

Н. И. Сазонова

НАСЕЛЬНИЦЫ ТОМСКОГО ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (1869–1917 ГГ.): ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлен коллективный портрет монахинь и послушниц Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря за период с 1869 по 1917 гг. Основой для анализа являются списки насельниц монастыря за указанный период, которые исследуются с применением методов просопографического исследования, что позволяет определить, из каких мест прибывали в монастырь женщины и девушки, каковы были их социальный статус и сословное происхождение, образование, какой деятельностью в монастыре они занимались, а также проследить динамику изменения их статуса в общине. Показано, что насельницы монастыря в подавляющем большинстве происходили из различных регионов Сибири, но в составе послушниц и монахинь были также переехавшие в Западную Сибирь из Европейской России – переселенцы в Сибирь и послушницы, монахини, направленные в Томский монастырь решением священноначалия. Среди насельниц большую часть составляли незамужние девушки, принимавшие решение связать свою жизнь с монастырем, в меньшей степени были представлены вдовы. В сословном отношении преобладали женщины и девушки крестьянского происхождения, а также мещанки. Однако происхождение из низших сословий не влияло на статус насельницы в общине. Он определялся не происхождением, а способностями и умениями. Особое значение имело образование, руководство монашеской общины поощряло обучение насельниц грамоте. Впоследствии такие монахини и послушницы могли служить при храме, а также преподавать в монастырском Духовном училище, работа которого являлась важной частью социального служения обители. Состав монашеской общины отличался стабильностью, средний срок пребывания насельницы в монастыре составлял 15 и более лет. Крайне редки были случаи, когда сестра покидала обитель. При этом путь от «сестры на испытании» до монахини мог занимать от 10 и более лет, что было связано с требованиями к возрасту принимающих монашеский постриг. Таким образом, духовный рост насельницы происходил в течение многих лет, сочетаясь с освоением новых навыков, умений, повышением образования.

Ключевые слова: *просопография, просопографический метод, списки насельниц, Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, монашество, монахиня*

Введение

Иоанно-Предтеченский монастырь, существовавший в Томске с 1864 по 1876 г. как женская община, затем, до своего закрытия в 1920 г., как монастырь, до настоящего времени редко привлекает внимание историков как самостоятельный объект исследования, несмотря на то, что общепризнана его роль в духовной и социальной жизни города и региона, в связи с чем монастырь упоминается в ряде исследований последних лет. Вопросы основания обители, ее хозяйственной деятельности, доходов в работах, посвященных сибирским монастырям, затрагивает В. А. Овчинников (Овчинников, 2010, 2011). О деятельности томских монахинь в Алтайской духовной миссии упоминает протоиерей Георгий Крейдун (Крейдун, 2008: 116–117), о роли монастыря в образовательной и культурной жизни города (наряду с другими просветительскими учреждениями) пишет К. А. Кузоро (Кузоро, 2011: 81). Е. В. Караваева говорит о социальном служении обители, в частности, рассматривает деятельность сиротского приюта в общем контексте проблемы призрения сирот при женских монастырях Сибири (Караваева, 2010: 98). Отдельным вопросам истории некрополя при монастыре посвящены исследования В. Ф. Байтингера, Н. М. Дмитриенко, С. А. Некрылова (Байтингер, Дмитриенко, 2022; Байтингер, Некрылов, 2021), Е. И. Красильниковой (Красильникова, 2012: 115).

Лишь в последние годы появляются статьи о монастыре как особом объекте историко-культурного наследия (Филиппович, 2015; Лоскутова, 2023; Сазонова, Лоскутова, 2023), о его месте в пространстве города и проблемах взаимодействия с городским сообществом (Сазонова, Фендель, Артамонов, Шкляр, 2022; Сазонова, Маслич, 2022).

Слабая изученность истории монастыря во многом связана с состоянием источниковой базы по данной проблеме. Большинство документов по истории женской обители, хранившихся в архиве при ее первом храме свт. Иннокентия Иркутского, утрачены после уничтожения этой церкви в советский период, многие также уничтожены в период революционных событий и гражданской войны 1920-х гг. На сегодняшний день Фонд 177 Иоанно-Предтеченского женского монастыря в Государственном архиве Томской области (ГАТО) насчитывает всего 40 дел. Кроме того, отдельные дела, касающиеся женской общины при томской Иннокентьевской церкви, находятся в Фонде 175 Богородице-Алексеевского монастыря, который курировал женскую общину, позже – монастырь (его настоятель являлся благочинным монастырей Томской епархии), а также в Фонде 170 Томской духовной консистории. Среди сохранившихся в этом фонде источников – отдельные документы деловой переписки по вопросам хозяйственной деятельности обители, строительства храмов, некоторые постановления и распоряжения духовной консистории, касающиеся ее деятельности.

Представляется, что в условиях существенных пробелов в источниковой базе по истории монастыря одним из результативных может оказаться просопографический метод. Действительно, большую часть сохранившихся письменных источников составляют «Ведомости» о состоянии обители с приложением списков ее насельниц за разные годы. Самый ранний из таких списков датируется 1869 г., а самый поздний – 1917 г. Списки представляют собой типовые таблицы, которые содержат краткие данные в общей сложности о 55 монахинях, 57 рясофорных послушницах и 307 сестрах, в разные годы находившихся в монастыре «на испытании способностей к общежитию». Такой характер источников позволяет провести, как указывает Л. Стоун, «исследование действующих в истории лиц посредством коллективного изучения их жизней», для чего в рамках просопографического исследования задается «набор единых вопросов – о рождении и смерти, браке и семье, социальном происхождении и унаследованном экономическом положении, месте проживания, образовании... Затем различные типы информации ... объединяются и исследуются на предмет значимых переменных, которые проверяются как на внутренние корреляции, так и на корреляции с другими формами поведения или действия» (Стоун, 1972: 107). Как показывает опыт исторической науки последних лет, подобные исследования позволяют как создавать базы данных биографий (Кандаурова, Юмашева, 2004; Черникова, 2012; Горак, 2017; Гуслистова, 2018), так и «коллективные истории» социальных групп (например, политических элит) (Николаев, 2011; Алексеенко, 2012).

В последние десятилетия появляются и просопографические исследования, касающиеся монашества. Так, М. Ю. Нечаева посвятила свое исследование монашеству синодального периода на Урале в целом (Нечаева, 2012; Нечаева, 2017). При этом, по справедливому замечанию автора, «типичными целями просопографического исследования являются анализ социального расслоения, социальной мобильности, процессов принятия решений, функционирования институтов, социального окружения и т. д.», и это «максимально сближает просопографию с микроисторией, которая стремится получить представления о социальных структурах и процессах, определяющих повседневную социальную жизнь» (Нечаева, 2017: 239), просопографические исследования отдельных монастырей – а именно такие малые объекты чаще всего находятся в фокусе внимания микроистории – все еще достаточно редки.

Настоящая статья представляет попытку создания коллективного портрета насельниц Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря по данным их списков за весь период его существования. Основой для «набора единых вопросов» в данном случае служит само содержание документов. В них представлены данные об именах и фамилиях насельниц в миру и монашеских именах – в случае пострига в рясофор или мантию, их возрасте, сословном происхождении, месте жительства в миру, годах поступления в обитель и изменения статуса (например, постриг, или переход из числа воспитанниц при монастыре в число сестер). Кратко

обозначены также сведения об образовании и владении грамотой, послушании, которые несла каждая, и о характеристике «поведения», под которым имеется в виду качество исполнения послушаний и «способность к общежитию». Таким образом, по спискам можно установить:

- географию состава насельниц: из каких регионов они прибывали;
- социальный состав;
- уровень образования;
- характер послушаний насельниц;
- динамику изменения их статуса в период жизни в монастыре.

Стоит отметить, что «Ведомости» и списки насельниц сохранились не за все годы существования обители. Так, в значительной мере утрачены эти документы за первые годы существования женской общины, затем – монастыря: «Ведомости» сохранились только за 1869 и 1877 гг., не сохранились документы последующих лет, до 1881 г. включительно, а также за периоды с 1883 по 1887 гг., с 1888 по 1891 гг., отсутствуют и «Ведомости» за 1901, 1905, 1906, 1916 гг. Вместе с тем работа исследователя по созданию «коллективного портрета» насельниц существенно облегчается стабильностью состава общины в течение многих десятилетий. Так, «Ведомости» с 1869 по 1917 г. в общей сложности содержат лишь 19 упоминаний о том, что та или иная насельница «выбыла» из монастыря, то есть ушла в мир. В целом же средний срок пребывания в обители большинства сестер составлял 15–20 лет, в течение которых в списки из года в год вносились однотипные сведения о биографических данных, послушаниях. Эта особенность не только полностью подтверждает правоту исследователей, указывающих на характерную для женских монастырей Урала и Сибири стабильность состава (Овчинников, 2010; Нечаева, 2012: 113), но и позволяет в значительной степени восстановить историю пребывания в обители большинства насельниц, несмотря утрату ряда источников.

География насельниц Иоанно-Предтеченского женского монастыря

Из 419 насельниц, данные которых содержат списки с 1869 по 1917 гг., 145 были уроженками Томской губернии, 37 – Тобольской, 31 – Енисейской, 30 – происходили из Пермской губернии, таким образом, численно преобладали родившиеся в Сибири и на Урале. Вместе с тем встречаются имена 16 сестер, приехавших из Европейской России: из Вятской губернии, 4 – из Тамбовской, 3 – из Калужской, по 2 – из Саратовской и Нижегородской, 1 – из Пензенской (Ведомость, 1869; Ведомость, 1877; Ведомость, 1888; Ведомость, 1894; Ведомость, 1897; Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913; Ведомость, 1917).

Приезд насельниц из других сибирских регионов мог быть обусловлен как их жизненными обстоятельствами, так и решениями священноначалия, которые иногда отражались в документах монастыря. Так, после преобразования женской общины в монастырь сюда для помощи в становлении новой обители были переведены 6 насельниц из Николаевского Туринского женского монастыря. Среди них была рясофорная монахиня Неонила (Котельникова), которая в Томске впоследствии была пострижена в мантию с именем Зинаиды, стала сначала казначеей монастыря, позже – возглавила обитель. Большинство других переведенных сестер, находившихся в статусе послушниц, в течение нескольких лет по приезду приняли постриг в монашество (Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913).

Обстоятельства переезда насельниц из Европейской России в Сибирь были связаны с двумя основными факторами. Во-первых, это были члены семей переселенцев из Европейской России, впоследствии избравшие путь жизни в монастыре. Иногда списки насельниц могли отражать перипетии жизни такой семьи. Так, из переселенческой деревни Вятской Тарского уезда Тобольской губернии происходила рясофорная послушница Елена Варфоломеевна

Кириллова. «Переселенческими дочерями» в списках обозначены также сестры, жившие «на испытании», Агафия и Матрона Жентовы (Ведомость, 1894; Ведомость, 1897; Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913; Ведомость, 1917).

Во-вторых, в Иоанно-Предтеченский монастырь могли переводиться послушницы и монахини женских монастырей из европейских регионов, как правило, с целью помощи обители в какой-либо сфере ее деятельности. Так, в списках насельниц монастыря встречаются имена Параскевы Абрамовны Павловой, уроженки села Череватово Ардаатовского уезда Нижегородской губернии, и родившейся в селе Атемасово того же уезда Параскевы Осиповны Васильевой. Обе были послушницами Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря и командированы в Томск на три года, с 1894 по 1897 гг., чтобы наладить работу его иконописной мастерской и обучить иконописи томских сестер. В 1897 г. они покинули монастырь (Ведомость, 1894; Ведомость, 1897).

Социальный статус

Подавляющее большинство насельниц в миру были «девицами», то есть замуж не выходили. Большинство поступали в обитель до 30 лет, но были и пришедшие в монастырь после 40, 50 и даже 60 лет.

За весь период существования обители среди насельниц было лишь 39 вдов, в миру имевших семью. Были случаи их поступления в монастырь с малолетними дочерьми, которые впоследствии получали в обители образование. Некоторые из них позже становились монахинями или жили «на испытании», приняв решение связать свою дальнейшую судьбу с обителью. Наиболее яркий пример такого рода – жизненный путь последней настоятельницы монастыря, игумении Анастасии (в миру – Анисии Григорьевны Некрасовой). Придя в обитель вместе с овдовевшей матерью еще девочкой, она, по сути, провела здесь всю жизнь, пройдя путь от воспитанницы до настоятельницы (Ведомость, 1869; Ведомость, 1877; Ведомость, 1888; Ведомость, 1894; Ведомость, 1897; Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913; Ведомость, 1917).

Сословный статус и статус в обители

Поступлению в число сестер предшествовало «увольнение» из прежнего сословия и переход в «духовное сословие». Однако в списках насельниц монастыря приводится прежний сословный статус, что позволяет судить о том, представительницы каких сословий поступали в число насельниц.

Как известно, привилегированное дворянское сословие было представлено в Сибири в минимальной степени. Почти не было дворянок и среди насельниц Иоанно-Предтеченского монастыря. Здесь, пожалуй, можно выделить лишь монахиню Серафиму, происходившую, вероятно, из немецкого дворянства (в миру – дочь подполковника Елизавета Константиновна фон Розкирх). Кроме того, не исключены дворянские корни одной из настоятельниц, игумении Анастасии (в миру – Акилина Виссарионовна Балашова), которая возглавляла монастырь с 13 сентября по 19 ноября 1877 г. Согласно монастырским «Ведомостям», она была «кандидаткой Московского воспитательного дома», учреждения для сирот, беспризорных, незаконнорожденных, созданного при Екатерине II. Вопрос о том, принадлежала ли она к дворянскому роду Балашовых, требует дальнейшего исследования. Термин «кандидатка» означает, что она окончила так называемые «французские классы» учреждения и должна была работать домашней учительницей (Красуский, 1878). Однако оставив светскую карьеру, в 1863 г. она

поступила в женский монастырь в Енисейске, откуда в 1870 г. была переведена в женскую общину в Томске. Здесь, как знавшая несколько языков, рукоделие, она обучала девочек в школе, а после смерти первой игумении Евпраксии стала «исполняющей должность» настоятельницы, с которой спустя несколько месяцев была «уволена по болезни» (Ведомость, 1877: 39 об. – 40).

Большинство же насельниц происходили из крестьянской среды. При этом из настоятельниц монастыря крестьянское происхождение имели две игумении из пяти – Серафима (в миру – Долгих Феокиста Александровна) и Анастасия (в миру – Некрасова Анисия Григорьевна). Среди монахинь из крестьянских семей происходили 42 из 52 насельниц. Из рясофорных послушниц крестьянское происхождение имели 38 насельниц, а из сестер, в разные годы живших «на испытании», – более 200.

Второе по численности место среди насельниц занимали имевшие происхождение из мещан. Таких среди игумений было двое – основательница обители Евпраксия (Михеева), уроженка Томска, и Зинаида (Котельникова), отец которой был мещанином в Туринске Тобольской губернии. Из того же сословия происходили девять монахинь, 12 – рясофорных послушниц, а больше всего мещанок было среди сестер, живших «на испытании», 52 человека. В списках насельниц также встречаются имена пяти дочерей священников – все они поступали в обитель, оставшись сиротами. Пять насельниц происходили из семей военных, две – из казаков, две – из семей чиновников. Тем самым можно говорить, что большая часть сестер обители происходила из низшего сословия – крестьян.

Однако происхождение не мешало насельницам занимать достаточно ответственные должности. Помимо игумений Серафимы (Долгих) и Анастасии (Некрасовой), из крестьян происходили также благочинные обители монахини Вера (Ускова), одна из старейших насельниц, исполнявшая это послушание с 1888 по 1900 гг., сменившая ее монахиня Иудифь (Уколова), до занятия должности благочинной также руководившая свечным заводом, Пелагия (Пачина) – благочинная с 1911 г. Крестьянское происхождение имели экономки монахиня Августа (Епанчинцева), экономка монастыря с 1899 по 1908 гг., и сменившая ее, руководившая хозяйством обители до 1917 г. монахиня Руфь (Морозова). (Ведомость, 1869; Ведомость, 1877; Ведомость, 1888; Ведомость, 1894; Ведомость, 1897; Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913; Ведомость, 1917).

Есть в списках насельниц и более показательный пример того, что в монастырском социуме фактически не действовали социальные и сословные границы, установленные в тогдашнем обществе. С 1892 по 1900 г. в документах обители упоминается насельница, имевшая статус «незаконнорожденной» – Евдокия Максимова. Она обозначена как «незаконнорожденная дочь вдовы губернского секретаря Пульхерии Максимовой» (Ведомость, 1894: 54 об. – 55) и жила в обители в течение 8 лет, после чего ушла в мир. О ее дальнейшей судьбе мы знаем из мемуаров томича П. В. Хандорина (1905–1992 гг.), внука Евдокии Петровны. Его воспоминания находятся в фондах Государственного архива Томской области. По словам автора, выйдя из обители, Е. П. Максимова многие годы сохраняла с ней тесную связь, водила сюда маленького внука и дружески принималась насельницами, более того – игумениями. Вот что пишет П. В. Хандорин: «Однажды в будний летний погожий день мы с бабушкой проходили по двору монастыря от бабушкиной знакомой, откуда-то от здания Духовного училища... направляясь к выходу из монастыря. И, когда мы проходили около ограды Иннокентьевской церкви, нас в окно из своих покоев увидела игумения монастыря Зинаида. Она бабушку узнала и выслала к нам свою келейницу с приглашением зайти к ней в покои. Мы в сопровождении келейницы зашли в парадную дверь, и, поднявшись по парадной лестнице наверх, зашли в покои – угловую комнату юго-восточного угла. В этой комнате нас встретила и приняла сама мать игумения. Поздоровавшись с ней, бабушка подошла к ней под благословение

и подвела под благословение и меня. После этого “матушка-игуменья”, как называла ее бабушка, пригласила нас сесть и выпить по чашечке чая... Они сели, и “матушка-игуменья” начала расспрашивать бабушку, как она сейчас живет “в миру” и чем занимается...» (Хандорин, 1982: 756, 775, 776). Как видим, низкий социальный статус не только не оказывал влияния на положение насельницы в монастырском социуме, но и по выходе из монастыря не являлся препятствием для близкого и даже дружеского общения с бывшей насельницей, в том числе со стороны игумении.

Образование

Судить об этой стороне жизни насельниц обители дает возможность особая графа в их списках, где обозначалось, владеет ли монахиня или послушница грамотой, имеет ли образование и какое – например, является ли она выпускницей училища, гимназии или же получила домашнее образование. Списки свидетельствуют, что случаи, когда монахиня или послушница в миру заканчивала гимназию, единичны. В основном образование было домашним и сводилось к овладению грамотой.

Можно отметить, что наиболее высокий уровень образованности был среди монахинь. Выполнявшие ключевые послушания (благочинная, казначея, экономка и др.) обычно владели чтением и письмом. Из этого правила имелись лишь редкие исключения: так, «неграмотной» обозначается в списках одна из первых насельниц женской общины монахиня Агапия (в миру – Варвара Дмитриевна Оленева), которая некоторое время была экономкой монастыря, а также заведовала свечной лавкой. Кроме нее известны лишь 7 монахинь, которые все время их жизни в обители обозначались как «неграмотные». Среди рясофорных послушниц и сестер «на испытании», не владевших грамотой, было 144, то есть чуть менее половины. Все это говорит о достаточно высоком уровне владения чтением и письмом в монашеской общине.

Причиной этого обстоятельства могло быть то, что было принято обучать вновь прибывших непосредственно в монастыре. Это отражается в списках сестер за разные годы. Например, монахиня Агния (в миру – Богомолова Анна Ивановна), поступившая в монастырь в 1889 г., в первые годы обозначается в списках как «неграмотная». Однако к 1913 г. она освоила чтение и письмо настолько, что ее послушанием стало чтение в храме. В обители освоила грамоту и монахиня София (в миру – Ксения Федоровна Костарева), одна из старейших насельниц, поступившая в 1877 г. Как и монахиня Агния, в первые годы в списках она обозначена как неграмотная, но с 1897 г. – уже как владеющая чтением и письмом. Подобным образом осваивали грамоту и некоторые прежде неграмотные рясофорные послушницы и сестры «на испытании».

В списках насельниц зафиксировано даже несколько имен сестер, проходивших обучение за пределами обители – в Епархиальном женском училище. Например, Клавдия Аржанникова, жившая в обители с раннего детства как воспитанница, сначала окончила училище при монастыре, затем – курсы при Епархиальном женском училище. После этого она вновь вернулась в Духовное училище при обители, но уже как учительница. Тот же путь повторила еще одна воспитанница обители, Стефанида Васильевна Чарухина. С 1914 по 1917 г. училась в Епархиальном училище еще одна сестра «на испытании», Валентина Ивановна Федулова (Ведомость, 1869; Ведомость, 1877; Ведомость, 1888; Ведомость, 1894; Ведомость, 1897; Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913; Ведомость, 1917).

Таким образом, можно констатировать, что руководство обители заботилось о повышении образовательного уровня насельниц, стремясь максимально использовать уже имеющиеся у них навыки, а также повысить образовательный уровень тех, кто проявлял к этому способности.

Распределение послушаний

Судя по этой графе списков насельниц за разные годы, то или иное послушание в первые годы зависело от знаний и умений сестры в миру. Так, в обители было принято использовать владение грамотой монахини или послушницы в максимальной степени: такие сестры становились чтицами в церкви, пели на клиросе, работали в Духовном училище, обучая чтению и письму девочек – за историю обители несших это послушание известно 14. Знания и умения жившей в миру крестьянки могли пригодиться в монастырском хозяйстве: на огороде, в коровнике, на монастырской даче.

Вместе с тем насельницы имели также возможность своего рода саморазвития, освоения новых навыков. Так, с открытием в 1884 г. свечного завода многие из них приобретают новую для себя профессию – изготовление свечей. За период существования монастыря через это послушание прошли около 90 сестер, включая как монахинь, так и рясофорных послушниц, сестер «на испытании». Из числа насельниц было и руководство предприятия, доходы от которого были одной из основ благосостояния монастыря. Так, в 1900 г. свечным заводом заведовала монахиня Иудифь (в миру – Уколова Ирина Архиповна). А согласно спискам 1911 г. «старшей на свечном заводе» была монахиня Евсевия (в миру – Евгения Евгеньевна Трифонова), которая к этому времени проработала здесь много лет (Ведомость, 1900; Ведомость, 1911). Как видим, и здесь, как и в сфере образования, можно констатировать, что в обители заботились о максимальном раскрытии потенциала той или иной насельницы, давали возможности роста с переходом от простых послушаний к более сложным и ответственным.

От сестры «на испытании» до монахини

Именно таков, как правило, был путь насельниц, занимавший чаще всего не одно десятилетие. Поступая в монастырь, женщина или девушка вносилась в список находящихся «на испытании». В этом статусе она могла оставаться 10 и даже более лет, неся возложенные послушания, приучаясь к порядкам монастырской жизни.

Причиной столь длительного «испытания» было то, что с 1832 г. действовал порядок пострига женщин, предполагавший, что он невозможен, по крайней мере, до 40 лет (Чижевский, 1898: 8). Даже рясофор первую степень монашества сестры принимали чаще всего после этого возраста, хотя в отношении этой ступени монашества правило соблюдалось нестрогое. Так, например, Евгения Степановна Аверцева, поступившая в монастырь как воспитанница в 1900 г., когда ей было 13 лет, приняла рясофор в 1913 г. – в 26 лет. Вместе с ней постриг принимала также 32-летняя Пелагия Андреевна Акулова (Ведомость, 1900; Ведомость, 1904; Ведомость, 1907; Ведомость, 1909; Ведомость, 1910; Ведомость, 1911; Ведомость, 1912; Ведомость, 1913).

Что же касается более серьезного решения пострига в мантию, то здесь, очевидно, требованиям к возрасту следовали более пунктуально. Зачастую от рясофора до пострига в мантию проходило более 10 лет. Самым показательным здесь может быть пример игумении Анастасии (Анисии Григорьевны Некрасовой). Поступив в общину в 1866 г. еще девочкой, она связала с обителью всю свою жизнь: здесь получила образование, трудилась, занимаясь рукоделием (возглавляла мастерскую), пела в церковном хоре, работала в Духовном училище, с 1908 г. стала казначеей, более того, несколько раз заменяла игумению Зинаиду во время ее отъездов по делам обители. Но все это – в статусе лишь рясофорной послушницы, которой Анисия Григорьевна стала в 1887 г. Лишь в 1912 г., в 51 год, она была пострижена в мантию (Ведомость, 1917: 8 об. – 9). В целом в списках монахинь нет ни одной насельницы, постриженной в мантию до достижения 40 лет, а многие принимали постриг и после 50 или даже в более старшем возрасте. Например, монахиня Мария (в миру – Марфа Аввакумовна Бусыгина) пострижена в мантию в 1913 г., в 72 года (Ведомость, 1917: 19 об. – 20).

Списки не содержат упоминаний о принятии монахинями великой схимы (высшей степени монашества). Таким образом, постриг в мантию становился своего рода высшей точкой духовного пути. Сам этот путь, как видим, оказывался достаточно долгим «восхождением»: в статусе «на испытании» не менее десятка лет, затем еще не менее 10 лет до пострига. О том, какова в таких условиях была духовная жизнь насельниц, говорит оценка, сделанная в 1869 г. основательницей женской общины, игуменией Евпраксией (Михеевой): «Особенных подвигов к благочестию незаметно между сестрами общины, но заботливость о спасении... не чужда всем. Из пороков между сестрами никаких не заметно» (Ведомость, 1869: 68 об.). Таким образом, духовное восхождение шло, можно сказать, «малыми шагами», длительно – но при этом достаточно основательно и в соответствии с силами и способностями сестер, без «особенных подвигов». Не случайно за все годы существования монастыря его по разным обстоятельствам покинули менее 20 насельниц, а в последней графе списков, посвященной их «поведению», отсутствуют записи о серьезных проступках и взысканиях. «Поведения очень хорошего и скромного», «к послушаниям усердна» – вот наиболее распространенные оценки монастырского начальства.

Заключение

В целом списки насельниц Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря отражают картину стабильной общины со своим внутренним устройством, где не действовали принципы «мірського» сословного общества. Для насельниц переход в «духовное сословие», предшествовавший зачислению в монастырь в качестве «сестры на испытании», был в полном смысле выходом из «міра», когда теряли значение происхождение, социальный статус. Отныне вся жизнь была подчинена духовному росту и служению ближним, которое оставалось важнейшей функцией монастыря. При этом рука об руку с духовным возрастанием шел и рост иного рода: освоение новых навыков, получение образования, что, в свою очередь, позволяло нести социальное служение, предназначенное тому «міру», который покинула насельница. Само это служение, как и особенности духовной жизни монашеской общины, безусловно, должны стать предметом отдельного исследования с привлечением не только данных просопографии, но и других источников, проливающих свет на духовную жизнь и служение монастыря.

Литература:

- Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N. Y. 1972. P. 107
- Алексеев Н. А. Род Акапнинов в просопографии византийской провинциальной аристократии (по данным сфрагистики) // Древности. 2012. Т. 11. С. 245–250.
- Байтингер В. Ф., Дмитриенко Н. М. В поисках намогильного памятника профессора-хирурга Э. Г. Салищева (часть 2) // Вопросы реконструктивной и пластической хирургии. 2022. Т. 25. № 3 (82). С. 79–85.
- Байтингер В. Ф., Некрылов С. А. В поисках намогильного памятника профессора-хирурга Э. Г. Салищева (часть 1) // Вопросы реконструктивной и пластической хирургии. 2021. Т. 24. № 3-4 (78). С. 92–101.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1904 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 24.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1907 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 26.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1897 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 10.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1900 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 17.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1911 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 34.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1912 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 37.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1913 год // ГАТО, Ф. 177, Оп. 1 Д. 42.
- Ведомость об Иоанно-Предтеченском монастыре за 1910 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 32.
- Ведомость о монашескующих сестрах Иоанно-Предтеченского монастыря за 1888 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 5.
- Ведомость о монашескующих сестрах Иоанно-Предтеченского монастыря за 1894 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 6.

Ведомость о монашествующих, послушниках, послужные списки и др. мужского монастыря и Предтеченского женского монастыря за 1877 год // ГАТО, Ф. 175 Оп. 1 Д. 70

Ведомость о состоянии Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря за 1909 год // ГАТО, Ф. 177 Оп. 1 Д. 27.

Ведомость Томской женской общины при Иннокентьевской церкви за 1869 г. // ГАТО, Ф. 175 Оп. 1 Д. 47.

Горак А. Просопография как метод исследования люблинского губернского чиновничества // Проблемы славяноведения: сб. ст. и материалов. Ответственный редактор С. И. Михальченко. Брянск, 2017. С. 61–69.

Гуслистова А. Н. Просопография и ее методы при исследовании Вологодского посада XVII в. // Историки. Поколения. Взгляды. Материалы Всерос. науч. конф. Главный редактор М. А. Безнин. 2018. С. 95–100.

Кандаурова Т. Н., Юмашева Ю. Ю. Просопография в историко-культурных исследованиях // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32. С. 150–152.

Караваева Е. В. Призрение сирот при монастырях и женских общинах в последней четверти XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 4-3 (68). С. 95–100.

Красильникова Е. И. Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 – первая половина 1941 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 363. С. 115–122.

Красуский В. А. Краткий исторический очерк Императорского московского воспитательного дома. М.: Тип. Б. Я. Барбей, 1878. 239 с.

Крейдун Ю. Г. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. М.: ПСГТУ, 2008. 199 с.

Кузоро К. А. Православные библиотеки в культурном и образовательном пространстве Томска (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Культурология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 80–87.

Лоскутова М. Г. К вопросу о методике проведения экскурсий религиозно-культурной тематики (на примере экспозиции по истории Иоанно-Предтеченского женского монастыря г. Томска) // Культурно-историческая память и современные образовательные практики: сб. ст. участников II Всерос. научно-практ. конф. Науч. редактор Н. И. Сазонова и др. Томск, 2023. С. 136–143.

Нечаева М. Ю. Монастырские ландшафты и просопография монашества: точки пересечения // Научный диалог. 2017. № 10. С. 236–248.

Нечаева М. Ю. Уральское монашество Синодального периода: опыт создания и использования просопографических баз данных // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 109–116.

Николаев Н. И. Просопография в интерпретации и датировке лапидарных надписей Догетской Ольвии // Боспорский феномен: население, языки, контакты: материалы Международной науч. конф. Ин-т истории материальной культуры РАН; Ин-т лингвист. исследований РАН; Государственный Эрмитаж; Южно-российский центр археологических исследований. 2011. С. 474–478.

Овчинников В. А. Монастыри Русской православной церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, Кемеровский гос. ун-т. 2011. 44 с.

Овчинников В. А. Процесс ликвидации православных монастырей на юге Западной Сибири в 1918–1920-е гг. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2010. № 4 (44). С. 41–46.

Сазонова Н. И., Лоскутова М. Г. Интерактивное педагогическое взаимодействие на экскурсиях религиозно-культурной тематики: специфика, возможности применения, результаты // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 2 (48). С. 58–67.

Сазонова Н. И., Маслич Е. А. Визуальные источники по истории Иоанно-Предтеченского женского монастыря в Томске: историческая память и городские мифы // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 1. С. 111–128.

Сазонова Н. И., Фендель Е. Р., Артамонов М. В., Шкляр Я. Ю. Сибирский монастырь и городское пространство: проблемы взаимодействия (на материале Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 1 (31). С. 127–152.

Филиппович М. В. Иоанно-Предтеченский женский монастырь в Томске как комплекс памятников культурного наследия // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3 (19). С. 59–65.

Хандорин П. В. Томск и томичи в начале века. Очерки города и событий, быта и нравов по рассказам стариков и очевидцев, личным воспоминаниям и запомнившимся анекдотам. Раздел II «Город Томск». Тетради № 6-7 с воспоминаниями о детстве (окончание), о зданиях, сооружениях и местностях в южной части г. Томска (по схематическому плану города за 1915 г. № 33-108) // ГАТО, Ф. Р-1954, Оп. 1, д. 6.

Черникова А. С. База данных «Служащие центральных управлений частных железных дорог»: просопография и социальные сети // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 125–126.

Чижевский И. Л. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях. Харьков: Тип. Печатное дело, 1898. 199 с.

Сазонова Наталия Ивановна.

Доктор философских наук, доцент,

заведующий кафедрой истории России и методики обучения истории и обществознанию.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru

Материал поступил в редакцию 17 августа 2023 г.

N. I. Sazonova

THE INHABITANTS OF THE TOMSK MONASTERY OF ST. JOHN THE BAPTIST (1869–1917): THE EXPERIENCE OF PROSOPOGRAPHICAL RESEARCH

The article presents a collective portrait of the nuns and novices of the Tomsk monastery of St. John the Baptist from 1869 to 1917. The basis for the analysis is the lists of the monastery's residents for the given period. They are studied using the methods of prosopographic research, which allows us to determine from which places the women and girls came to the monastery, what social status and origin they had, what education they received, what activities they pursued in the monastery, as well as to trace the dynamics of changes in their status in the community. It turned out that most of the monastery's residents came from different regions of Siberia. However, among the novices and nuns were also those who had moved to Western Siberia from the regions of European Russia – immigrants to Siberia and novices, nuns who had been sent to the Tomsk monastery by the decision of the hierarchy. Among the residents, most were unmarried girls who had chosen to enter the convent. Widows were represented to a lesser extent. Women and girls of peasant origin and middle-class women dominated the class composition. However, origin from the lower classes did not affect the status of the resident women in the community. It was not determined by origin but by skills and abilities. Education was of particular importance, and the leadership of the monastic community encouraged the teaching of nuns to read and write. This enabled these nuns and novices to serve in the temple and also to teach at the monastery's theological school, whose work was an important part of the monastery's social service. The composition of the monastic community was stable, and the average length of stay of a resident in the monastery was 15 years or more. There were extremely rare cases of a sister leaving the convent. At the same time, the journey from a "probationary sister" to a nun could take ten years or more, as the age for taking religious vows was prescribed. Thus, the spiritual growth of the residents took place over many years, combined with the development of new skills and increasing education.

Keywords: *prosopography, prosopographical method, lists of nuns, Tomsk monastery of St. John the Baptist, monasticism, nun*

References:

- Alekseenko N. A.** Rod Akapninov v prosopografii vizantijskoj provincialnoj aristokratii po dannym sfragistiki [Akapninov family in the prosopography of the Byzantine provincial aristocracy (according to sphragistics)] // *Drevnosti*. 2012. Vol. 11. P. 245–250 (in Russian).
- Bajtinger V. F., Dmitrienko N. M.** V poiskah namogilnogo pamyatnika professora hirurga EH G Salishcheva (chast 2) [In search of the grave monument of professor-surgeon E. G. Salishchev (part 2)] // *Voprosy rekonstruktivnoj i plasticheskoy hirurgii*. 2022. Vol. 25. No. 3 (82). P. 79–85 (in Russian).
- Bajtinger V. F., Nekrylov S. A.** V poiskah namogilnogo pamyatnika professora hirurga EH G Salishcheva (chast 2) [In search of the grave monument of professor-surgeon E. G. Salishchev (part 1)] // *Voprosy rekonstruktivnoj i plasticheskoy hirurgii*. 2021. Vol. 24. No. 3-4 (78). P. 92–101 (in Russian).
- Chernikova A. S.** Baza dannyh Sluzhashchie centralnyh upravlenij chastnyh zheleznnyh dorog prosopografiya i socialnye seti [Database «Employees of central administrations of private railways»: prosopography and social networks] // *Informacionnyj byulleten associacii Istoriya i kompyuter*. 2012. No. 38. P. 125–126 (in Russian).
- Chizhevsky I. L.** Sobranie cerkovno-grazhdanskih postanovlenij o monashestvuyushchih i monastyryah [Collection of church and civil decrees on monastics and monasteries]. Kharkov: Pechatnoe delo, 1898. 199 p. (in Russian).
- Filippovich M. V.** Ioanno-Predtechenskij zhenskij monastyr v Tomske kak kompleks pamyatnikov kulturnogo naslediya [St. John the Baptist Convent in Tomsk as a complex of cultural heritage monuments] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 3 (19). P. 59–65 (in Russian).

Gorak A. Prosopografiya kak metod issledovaniya lyublinskogo gubernskogo chinovnichestva [Prosopography as a method of research of the Lublin provincial officialdom] // Problemy slavyanovedeniya / Sbornik statej i materialov. Bryansk, 2017. P. 61–69 (in Russian).

Guslistova A. N. Prosopografiya i ee metody pri issledovanii Vologodskogo posada XVII v. [Prosopography and its methods in the study of the Vologda Posad of the XVII century] // Istoriki. Pokoleniya. Vzglyady. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 2018. P. 95–100 (in Russian).

Kandaurova T.N., Yumasheva Yu.Yu. Prosopografiya v istoriko kulturnyh issledovaniyah [Prosopography in historical and cultural studies] // Informacionnyj byulleten asociacii Istoriya i kompyuter. 2004. No. 32. P. 150–152 (in Russian).

Karavaeva E. V. Prizrenie sirot pri monastyryah i zhenskih obshchinah v poslednej chetverti XIX nachale XX v. na primere Tomskoj eparhii [The care of orphans at monasteries and women's communities in the last quarter of the 19 – early 20 century. (on the example of the Tomsk Diocese)] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 4-3 (68). P. 95–100 (in Russian).

Khandorin P. V. Tomsk i tomichi v nachale veka. Oчерки goroda i sobytij byta i nравov po rasskazam starikov i ochevidcev lichnym vospominaniyam i zapomnivshimsya anekdotam. Razdel II. Gorod Tomsk. Tetradi 6–7 s vospominaniyami o detstve (okonchanie o zdaniyah sooruzheniyah i mestnostyah v yuzhnoj chasti g. Tomsk (po skhematicheskomu planu goroda za 1915 g. No. 33-108 [Tomsk at the beginning of the century. Sketches of the city and events, life and customs based on the stories of old people and eyewitnesses, personal memories and memorable anecdotes. Section II. The City of Tomsk. Notebooks No. 6-7 with memories of childhood (ending), about buildings, structures and localities in the southern part of Tomsk (according to the schematic plan of the city for 1915 No. 33-108)] // State Archive of the Tomsk region. F. R-1954, Reg. 1 Case 6 (in Russian).

Krasilnikova E. I. Kladbishcha Tomsk kak mesta pamyati zhitelej goroda konec 1919 pervaya polovina 1941 g [Tomsk cemeteries as places of memory of the city's residents (late 1919 – first half of 1941)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 363. P. 115–122 (in Russian).

Krasusky V. A. Kratkij istoricheskij oчерk Imperatorskogo moskovskogo vospitatelnogo doma [A brief historical sketch of the Imperial Moscow Educational Home]. Moscow: B.J. Barbey 1878. 239 p. (in Russian).

Kreydun Yu. A. Altajskaya duhovnaya missiya v 1830 1919 gody struktura i deyatelnost [Altai spiritual mission in 1830-1919: structure and activity]. Moscow: PSTSU, 2008. 199 p. (in Russian).

Kuzoro K. A. Pravoslavnye biblioteki v kulturnom i obrazovatelnom prostranstve Tomsk: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v [Orthodox libraries in the cultural and educational space of Tomsk (the second half of the 19 – the beginning of the 21 century)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 3. P. 80–87 (in Russian).

Loskutova M. G. K voprosu o metodike provedeniya ehkskursij religiovedcheskoj tematiki (na primere ehkspozicii po istorii ioanno Predechenskogo zhenskogo monastyrya g.Tomsk) [To the question of the methodology of conducting excursions of religious studies (on the example of the exposition on the history of the St. John the Baptist Convent in Tomsk)] // Kulturno istoricheskaya pamyat i sovremennye obrazovatelnye praktiki Sbornik statej uchastnikov II Vserossijskoj nauchno prakticheskoy konferencii. Tomsk, 2023. P. 136–143 (in Russian).

Nechaeva M. Y. Monastyrskie landshafty i prosopografiya monashestva: točki peresecheniya [Monastic landscapes and prosopography of monasticism: points of intersection] // Nauchnyj dialog. 2017. No. 10. P. 236–248 (in Russian).

Nechaeva M. Y. Uralskoe monashestvo Sinodalnogo perioda opyt sozdaniya i ispolzovaniya prosopograficheskikh baz dannyh [Ural Monasticism of the Synodal period: the experience of creating and using prosopographic databases] // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2012. No. 3 (36). P. 109–116. (in Russian).

Nikolaev N. I. Prosopografiya v interpretacii i datirovke lapidarnyh nadpisej Dogetskej Olvii [Prosopography in the interpretation and dating of Lapidary inscriptions of the Dogetic Olbia] // Bosporskij fenomen: naselenie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Institut istorii materialnoj kultury RAN. Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. Gosudarstvennyj Eprmitazh. Yuzhno-rossijskij centr arheologicheskikh issledovanij. 2011. P. 474–478 (in Russian).

Ovchinnikov V. A. Monastyri Russkoj pravoslavnoj cerkvi na yuge Zapadnoj Sibiri (konec XVIII nachalo XXI vv.) [Monasteries of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia (late XVIII – early XXI centuries)]. Abstract. Kemerovo, 2011. 44 p. (in Russian).

Ovchinnikov V. A. Process likvidacii pravoslavnyh monastyrej na yuge Zapadnoj Sibiri v 1918 1920 gg. [The process of liquidation of Orthodox monasteries in the South of Western Siberia in 1918 – 1920] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 4 (44). P. 41–46 (in Russian).

Sazonova N. I., Fendel E. R., Artamonov M. V., Shklyar Ya. Yu. Sibirskij monastyr i gorodskoe prostranstvo problemy vzaimodejstviya (na materiale tomского ioanno-Predtechenskogo zhenskogo monastyrya) [The Siberian Monastery and urban space: problems of interaction (based on the material of the Tomsk St. John the Baptist Convent)] // Praksema. Problemy vizualnoj semiotiki. 2022. No. 1 (31). P. 127–152 (in Russian).

Sazonova N. I., Loskutova M. G. Interaktivnoe pedagogicheskoe vzaimodejstvie na ehskursiyah religiovedcheskoj tematiki specifika vozmozhnosti primeneniya rezultaty [Interactive pedagogical interaction on religious studies excursions: specifics, application possibilities, results] // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. 2023. No. 2 (48). P. 58–67 (in Russian).

Sazonova N. I., Maslich E. A. Vizualnye istochniki po istorii Ioanno Predtechenskogo zhenskogo monastyrya v Tomske istoricheskaya pamyat i gorodskie mify [Visual sources on the history of St. John the Baptist Convent in Tomsk: historical memory and urban myths] // Vizualnaya teologiya. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 111–128 (in Russian).

Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N. Y. 1972. 107 p.

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1897 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1897] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 10 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1900 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1900] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 17 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1904 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1907] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 24 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1907 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1907] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 26 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1910 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1910] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 32 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1911 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1911] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 34 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1912 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1912] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 37 (in Russian).

Vedomost o Ioanno Predtechenskom monastyre za 1913 g [Bulletin of the St. John the Baptist Monastery for 1913] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 42 (in Russian).

Vedomost o monashestvuyushchih poslushnikah posluzhnye spiski i dr muzhskogo monastyrya i Predtechenskogo zhenskogo monastyrya za 1877 g [The list of monks, novices, service records, etc. the male monastery and the Predtechensky Convent for 1877] // State Archive of the Tomsk region. F. 175. Reg. 1 Case 70 (in Russian).

Vedomost o monashestvuyushchih sestrah Ioanno Predtechenskogo monastyrya za 1894 g [The bulletin on the monastic sisters of the St. John the Baptist Monastery for 1894] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 5 (in Russian).

Vedomost o monashestvuyushchih sestrah Ioanno Predtechenskogo monastyrya za 1894 g [The bulletin on the monastic sisters of the St. John the Baptist Monastery for 1894] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 6 (in Russian).

Vedomost o sostoyanii Tomskogo Ioanno Predtechenskogo zhenskogo monastyrya za 1909 god [Statement of the status of the Tomsk St. John the Baptist Convent for 1909] // State Archive of the Tomsk region. F. 177. Reg. 1 Case 27 (in Russian).

Vedomost Tomskoj zhenskoj obshchiny pri Innokentevskoj cerkvi za 1869 g. [Statement on the state of the women's community of the Tomsk Innocent Church for 1869] // State Archive of the Tomsk region. F. 175. Reg. 1 Case 47 (in Russian).

Sazonova Natalia Ivanovna.

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Head of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru